

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

* *
* *

Перевод с немецкого
Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

[Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.](#)

Женщина, на древнемъ Востокѣ, почиталась рабынею, назначеніе коей было служить прихотямъ мужа. У евреевъ положеніе женщины было сравнительно лучше; тамъ она считалась помощницей мужу. У грековъ кругъ дѣятельности женщины ограничивался семействомъ. Въ Аѳинахъ, въ первое время, женщины жили въ особыхъ отдѣленіяхъ (гинекеяхъ), занимаясь домашними работами, рѣдко показывались въ обществѣ и даже не обѣдали вмѣстѣ съ мужчинами при постороннихъ. Позже, кромѣ замужнихъ женщинъ, являются гетеры (наложницы), которыя, какъ, на примѣръ, знаменитая Аспазія во времена Перикла, вмѣшивались даже въ управленіе.

У римлянъ жизнь женщинъ была суровая, тяжкая; мужъ имѣлъ право надъ жизнью и смертію жены. Лучшимъ положеніемъ пользовались женщины у варваровъ; такъ, у галловъ встрѣчается общность труда и имущества между супругами; то же самое, даже нѣсколько въ высшей степени, было и у древнихъ германцевъ.

Христіанство содѣйствовало нравственному возвышенію женщины; въ особенности, во времена рыцарства, она начинаетъ пользоваться большимъ уваженіемъ и съ этихъ поръ приобретаетъ нѣкоторое соціальное значеніе.

Положеніе русской женщины, до Петра I, было незавидное; онѣ жили въ теремахъ, занимаясь благотворительностью, хозяйствомъ, сплетнями, сладкояденіемъ, отчасти пьянствомъ; въ бытѣ ихъ оправдывалось каноническое правило, что мужъ глава жены. Петръ I открылъ входъ русской женщинѣ въ общество, а въ послѣдующія царствованія нѣкоторыя русскія женщины стали приобретать и общественное значеніе.

Но законодательства всѣхъ народовъ продолжали смотрѣть на женщину, въ общемъ, довольно неблагоприятно.

Отсюда видно, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, прежде всего—въ борьбѣ за животное существованіе, главную роль игралъ мужчина. Роль женщины никогда не была замѣтна. Болѣе грубый въ своей физической силѣ, всегда свободный, не вскармливавшій и не пѣстовавшій рожденныхъ женщиною дѣтей, устранявшійся отъ выполненія мелкихъ и скучныхъ работъ въ семейномъ быту, приспособлявшій умъ свой къ порядку въ мысляхъ и на сердечныя влеченія отзывавшійся постольку, поскольку они удовлетворяли его мужскому достоинству, всегда непосредственно *дѣйствовавшій* какъ въ нападеніяхъ, такъ и оборонѣ, гордый въ сознаніи этихъ пре-

имуществъ, мужчина не могъ постичь той величайшей душевной силы въ женщинѣ, безъ проявленія и поддержки которой ему нечѣмъ было бы гордиться, никогда бы ему не совершить ни одного дѣйствія, ни одного подвига!

Да мужчина и не хотѣлъ даже задумываться надъ этимъ; и если бы сама природа, позаботившаяся о безостановочномъ развитіи челоѣчества указаніемъ путей для смягченія его нравовъ, расширенія кругозора и приобретенія большихъ выгодъ отъ усовершенствованія способовъ пользоваться окружающими его предметами, не подсказала ему мысли, ясно выраженной устами такого высококультурнаго народа, какимъ безспорно почитаются французы: „*во всемъ ищите женщину*“,—челоѣчество долго бы продолжало еще не замѣчать этого.

Мы имѣемъ не мало примѣровъ въ исторіи, когда женщина въ отдѣльныхъ случаяхъ проявляла мужество, какимъ не обладали даже самые сильные и великодушные мужчины, не говоря уже о временахъ гоненія на христіанъ, когда, на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій, женщины не щадили себя для воспріятія мученическаго вѣнца наравнѣ съ мужчинами. Не будемъ говорить также и о такихъ изрядныхъ подвижницахъ, какъ, на примѣръ, мать Гракховъ, Жанна д'Аркъ, наша русская Марфа Борецкая, прозванная Марфой Посадницей, эта честолюбивая, знатная и богатая, но пламенная республиканка, и т.-д.;

имъ изумлялись, ихъ отличали и память о нихъ сохранится на вѣки.

Но, все это для господствующаго пола не было достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ тому, что это является лишь подтвержденіемъ той существенной и великой душевной силы женщины, безъ которой, повторяемъ, мущина никогда бы не совершилъ, съ своей стороны, ни одного подвига, не проявилъ бы ни одного полезнаго дѣйствія. Исключительно одной Франціи принадлежитъ громадная заслуга въ томъ, что именно она первая это прозрѣла. Провозгласивъ устами своего народа вышеприведенный афоризмъ, она первая дала и толчекъ движенію, когда женщина уже высоко подняла голову и смѣло дала понять мущинѣ, что и она человѣкъ, что и она можетъ въ равной степени принимать участіе въ созидательной дѣятельности мущины и рука объ руку съ нимъ вліять на историческія событія.

Не выступавшая непосредственно въ борьбѣ за существованіе, поглощенная заботами о возвращеніи и воспитаніи дѣтей и о домашнемъ хозяйствѣ и, въ силу этихъ обстоятельствъ, въ противоположность мущинѣ, прислушивавшаяся болѣе къ влеченіямъ своего сердца, нежели считавшаяся съ указаніями разсудка, женщина всегда была наблюдательнѣе мущины, и до такой степени и въ такихъ мелочахъ, что иногда, руководимая только однимъ предчувствіемъ или находчивостью предотвращала дурныя послѣдствія величайшихъ историческихъ событій.

Приведемъ одинъ изъ характернѣйшихъ примѣровъ того, какъ гениально, легко и остроумно и съ какимъ самопожертвованіемъ рѣшила женщина одно дѣло, поставившее въ безвыходное положеніе населеніе цѣлаго города!

Конрадъ III, суровый и воинственный нѣмецкій король, соперничая съ Генрихомъ Гордымъ баварскимъ и саксонскимъ, заставилъ его отказаться отъ Баваріи и разбилъ брата его Вельфа VI, покоривъ въ 1140 году вельфскій городъ Вейнсбергъ. Большой поклонникъ женскаго пола, пораженный красотою женщинъ осажденнаго города и пожелавшій выказать чѣмъ либо передъ ними свою любезность, Конрадъ III, по преданію, дозволилъ мѣстнымъ дамамъ свободный выходъ и разрѣшилъ имъ взять съ собой свое лучшее имущество. Но, каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что дамы, воспользовавшись его милостью, на своихъ плечахъ вынесли всѣхъ мущинъ изъ города, назвавъ ихъ *своимъ лучшимъ имуществомъ*. Недолго думали женщины, чтобы выйдти изъ затрудненія и спасти своихъ мужей отцовъ, и братьевъ отъ грозившей имъ страшной опасности!

Итакъ, Франція первая положила начало женскому освободительному движенію, и великая французская революція, прославившая великодушныхъ и мужественныхъ представительницъ этого движенія, освѣтила много хорошихъ сторонъ человѣческой борьбы, и съ тѣхъ поръ права женщинъ вполне ясно признаны лучшими людьми,

облегчающими имъ доступъ въ борьбѣ за существованіе рука объ руку съ мужчинами. Прошло цѣлое столѣтіе до настоящаго времени, когда мы тоже переживаемъ неменѣе важный моментъ проснувшагося самосознанія великаго русскаго народа, выдвинувшаго и изъ своей среды немало самоотверженныхъ героинь. Мы вѣримъ, что именно теперь и наши мужественныя борницы за попранныя человѣческія права запечатлѣютъ въ памяти потомства не менѣе яркими красками свои чудные образы и, ломая цѣпи вѣкового рабства, докажутъ міру, что женщина ни въ чемъ не уступаетъ мужинѣ и навсегда изгладятъ изъ его представленія честолюбивое сознаніе, что только онъ одинъ творилъ міровую исторію!

Наз. Богдзевичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Эта книга посвящается памяти женщинъ эпохи великой французской революціи. И не только тѣхъ, которыя даютъ свое имя ея отдѣльнымъ главамъ; но и всѣхъ тѣхъ, которыя въ этотъ великій моментъ всеобщаго возбужденія проявили себя въ большей или меньшей степени героинями и труды которыхъ должны быть почтены. Революція обезчеловѣчила женщинъ. Зрѣлище казней доставляло имъ наслажденіе; проводя время между казнями за мирнымъ занятіемъ вязанія чулка, онѣ начинали неистовствовать, лишь только узнавали о новой казни, сопровождая такія зрѣлища дикими восклицаніями и отвратительной пляской. Отталкивающей видъ этихъ безбожницъ послужилъ толпѣ поводомъ прозвать ихъ „санкюлотками“ *). Съ звѣрскимъ ликованіемъ привѣтствовали онѣ моментъ брызганія крови и паденія головы, и чувства ихъ все болѣе и болѣе притуплялись, вызывая въ нихъ какую-то ненасытную, нечестивую жажду крови.

*) Сволочь.

Но та-же самая революція выдвинула и совершенно другую группу женщинъ, отличающую эту высшую человѣческую породу отъ ужасныхъ гienъ гильотины, ту группу женщинъ, образы которыхъ запечатлѣны на страницахъ этой книги. Революція пробудила въ нихъ глубочайшіе сердечные инстинкты; простое состраданіе къ жертвамъ неравной борьбы возвысила въ нихъ до героизма, чувство же самосохраненія низвела до презрѣнія къ смерти. Многія изъ нихъ боролись и умирали съ сознаниемъ, что память о нихъ утратится во мракѣ вѣковъ. Иныя, хотя и не могутъ быть приняты за великіе образы, все-же заслуживаютъ того, чтобы занять видное мѣсто на историческомъ памятникѣ тѣхъ временъ.

Роза Бульонъ, мужественная женщина, захотѣла слѣдовать за своимъ мужемъ на войну, добыла себѣ военную обмундировку и была зачислена въ полкъ. Шесть мѣсяцевъ подрядъ переносила она всѣ невзгоды военной жизни, какъ мужъ, сраженный тремя пулями въ битвѣ при Лимбахѣ, палъ мертвымъ; несмотря на это, она продолжала съ храбростью драться до окончанія войны, послѣ чего подала просьбу объ отставкѣ, но въ этомъ ей отказали. Только тогда она обнаружилась и сказала, что потребовала отставки лишь для того, чтобы выполнить свои материнскія обязанности передъ дѣтьми, какъ до сихъ поръ выполняла она свои обязанности къ мужу и отечеству настолько, насколько позволяли ей силы. Конечно, всѣ были удивлены; ей дали

отставку и назначили пенсію въ нѣсколько сотъ франковъ.

Роза Бульонъ была не единственная, пустившаяся въ войну и выказавшая себя храброю и мужественною. Слѣдуетъ упомянуть также о двухъ сестрахъ, въ юномъ возрастѣ тринадцати и шестнадцати лѣтъ отправившихся съ своимъ отцомъ въ битву для защиты границъ. Это были сестры *Фелисите* и *Теофиль Фернигъ*. Мадамъ *Пошела* и *Мадлена Птижанъ*, послѣдняя—мать многихъ дѣтей, отличились безстрашиемъ въ битвахъ въ Вандеѣ. Двѣ дѣвушки, восемнадцатилѣтняя *Роза Маршанъ* и шестнадцатилѣтняя *Элиза Камръ-Су*, совершили многочисленные походы съ республиканской арміей. *Клодина Буже* была зачислена въ войска добровольцевъ. Всѣ сіяли не женскою храбростью и вездѣ вызывали удивленіе, когда обнаруживалось, что онѣ принадлежали къ женскому полу.

Казалось, участіе женщинъ въ войскахъ можно было-бы объяснить не столько стремленіемъ къ военнымъ походамъ, сколько къ желанію сопровождать своихъ любовниковъ во всѣ предстоявшія имъ опасности, какъ это всегда и возбуждало подобныя разсужденія. Однако, проявляемое ими презрѣніе къ смерти во всѣхъ случаяхъ, пока свирѣпствовали ужасы преслѣдованія гражданъ, показывало совсѣмъ другое и заставляло умолкать злые языки.

Часто случалось, что женщины, которыхъ во все не присуждали къ смертной казни, употре-

бляли всё мѣры къ тому, чтобы одновременно со своими мужьями умереть на эшафотѣ. Такъ на примѣръ, мадамъ *Муши*. Когда мужъ ея былъ доставленъ въ тюрьму Люксембурга, она тоже явилась туда. Ей замѣтили, что приказъ данъ только объ арестѣ ея мужа, о ней же ничего не упомянуто. Она отвѣчала: „Такъ какъ арестуется мой мужъ; то я также“. Когда мужа отправили въ революціонный трибуналъ, она послѣдовала за нимъ, и на замѣчаніе, что она не вызывается, возразила: „Такъ какъ вызывается мой мужъ, то я также“. Когда мужа повели на эшафотъ, она взшла туда вмѣстѣ съ нимъ. Ей говорятъ, что она свободна, но въ отвѣтъ выслушиваютъ: „Такъ какъ присужденъ къ смерти мой мужъ, то и я также“. И она была счастлива умереть со своимъ мужемъ, котораго такъ любила. Другой примѣръ. Нѣкто Лаверень, старый, больной мужъ молодой красивой женщины подлежалъ присужденію къ смертной казни. Несмотря на несоотвѣтствіе лѣтъ, она его страстно любила и ни за что не хотѣла пережить его, рѣшивъ непремѣнно вмѣстѣ съ нимъ раздѣлить его участь. Ей удалось это, конечно, не такъ легко; она умоляла судей, но тѣ смѣялись надъ ней, указывали на ея молодость и красоту, смѣялись и надъ ея старымъ мужемъ и говорили, что она легко можетъ найти себѣ молодого. Къ ея страданіямъ присоединились лишь гнѣвъ и раздраженіе и, стоя въ толпѣ, она нетерпѣливо ожидала момента, когда мужъ ея долженъ былъ выступить передъ революціоннымъ

трибуналомъ. Такъ какъ онъ былъ очень боленъ, его внесли туда на носилкахъ и, на задаваемые ему вопросы, онъ отвѣчалъ умирающимъ голосомъ. Лишь только былъ произнесенъ смертный приговоръ ея мужу, мадамъ *Лаверень* неистово закричала: „Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ король!“. И продолжала кричать до тѣхъ поръ, пока ни достигла того, чего желала. Она была арестована, подвергнута допросу и утверждала, что ея возгласы были вызваны сильнымъ воодушевленіемъ, что считаетъ себя приверженицей короля и чувства свои будетъ выражать такимъ образомъ до самой смерти! Тогда присутствовали и ее и на тѣхъ же самыхъ дрогахъ, на которыхъ повезли ея мужа, она прибыла къ мѣсту казни. На эшафотъ мужъ легъ съ закрытыми глазами; она окликнула его, тотъ увидѣлъ ее рядомъ и удивленно спросилъ, что это значитъ. Она отвѣтила: „Ты знаешь, что безъ тебя я жить не могу, ну и умремъ мы вмѣстѣ!“.

Эта женщина приближается до нѣкоторой степени къ высшему типу женщинъ, которыя при подобныхъ-же обстоятельствахъ испытывали одинаковую участь, но жизнь которыхъ показала ихъ болѣе высокое призваніе, нежели тѣхъ, все значеніе которыхъ заключалось только въ любви къ мужьямъ.

Тогда еще не умѣли цѣнить, какъ и вообще во всё времена, мужества и храбрости женщинъ, едва даже находили достойнымъ труда признавать эти качества и заниматься ими. Страсть, съ

которую женщины предавались революціи, проистекала, безъ сомнѣнія, изъ сознанія того нравственнаго угнетенія, въ которое ихъ погружали.

Только двое мужчинъ, Кондорсэ и Сійесъ занялись вопросомъ о положеніи женщинъ въ республикѣ, чувствуя, что оно уже не можетъ оставаться далѣе такимъ, какимъ было во времена варварства, т.-е. когда женщина лишена была имущественныхъ и политическихъ правъ и устранялась отъ управленія дѣлами; они находили необходимымъ по крайней мѣрѣ предоставить имъ право распоряжаться тѣмъ имуществомъ, которое онѣ приносятъ съ собою въ приданое, и большую свободу вліянія на дѣла своей семьи и дѣтей, которыхъ онѣ произвели на свѣтъ. Кондорсэ и Сійесъ находили, что въ государствѣ имѣется много дѣлъ, для исполненія которыхъ могли бы быть призваны женщины и къ занятію которыми онѣ даже питаютъ большую склонность.

Но смерть Кондорсэ, къ сожалѣнію, уничтожила его планы освобожденія женщины изъ вѣкового рабства.

Нѣкоторыя рьяныя приверженицы революціи были вовлечены въ политическое движеніе вслѣдствіе той потребности, которая, характеризуя ихъ полъ, совпадала съ всеобщимъ упоеніемъ свободой. Ярыя революціонерки Роза Лакомбъ и Олимпія де-Гужъ были воительницами главнымъ образомъ за права женщинъ. Но ни одна изъ нихъ, ни мадамъ Роланъ, замѣчательное мужество ко-

торой признавалъ даже Гете по способу ея участія въ политической злобѣ дня; ни Талльенъ, которая со страстью отдавалась политическимъ переворотамъ; ни мадамъ Букэ, которая вступала въ отчаянную борьбу съ господствовавшимъ тогда владычествомъ якобинцевъ, такъ какъ бѣглецы жирондисты возбуждали состраданіе въ ея сердцѣ, состраданіе столь же великое, какимъ обладала мужественная мадамъ Легро, неволью содѣйствовавшая разрушенію Бастиліи; ни Шарлотта Кордэ, съ полнымъ сознаніемъ совершившая политическое убійство; ни жены враждебныхъ и преслѣдовавшихся государственныхъ дѣятелей, какъ Кондорсэ и Демулэнъ,—ни одна изъ нихъ не была такъ непонята своими политическими друзьями и не пережила такой политической ненависти, какъ Теруанъ де-Мерикуръ.

Столь интересна, превратна и трагична была жизнь Теруани де-Мерикуръ, что было-бы весьма несправедливо писать исторію французской революціи, ничего не упоминая объ ней. Это явилось бы значительнымъ пробѣломъ. Но правда и то, что нѣкоторые эпизоды ея политической славы, о которыхъ упоминаютъ иные, исторически до настоящаго времени ничѣмъ не подтверждены. Такъ, говорятъ, будто она была одна изъ первыхъ въ рядахъ, штурмовавшихъ Бастилію, что ее даже видѣли влѣзавшею на одну изъ ея башенъ! Ей приписываютъ главную роль въ событіяхъ 5 и 6 октября! Все это основано лишь на выдумкѣ.

Въ Императорско-Королевскомъ главномъ государственномъ архивѣ въ Вѣнѣ хранится нѣчто вродѣ автобіографіи, которую написала Теруанъ де-Мерикуръ на клочкахъ бумаги карандашемъ, во время своего томительнаго пребыванія въ Куфштейнской тюрьмѣ для своей защиты. Обстоятельства, которыя въ ней описаны о событіяхъ французской революціи и съ которыми ей приходилось сталкиваться, изложены несомнѣнно вѣрно. Ей пріятнѣе было бы, казалось, прославиться во всѣхъ приписываемыхъ ей дѣяніяхъ, нежели скромно умалчивать о нихъ. Къ тому же, она не имѣла никакого повода скрывать въ своемъ, вообще правдивомъ, описаніи обстоятельства, которыя не могли имѣть никакого вліянія на исходъ судебного процесса, къ которому ее привлекали. И какъ легко было бы тогда все это установить, или, если бы что оказалось невѣрнымъ, опровергнуть, когда событія были еще такъ свѣжи у всѣхъ въ памяти.

Она была идеалисткой, отзывчивой на все хорошее, воодушевленной стремленіями къ свободѣ и, конечно, могла ежеминутно подвергать свою жизнь опасности. Но все то, что ей приписываютъ, хорошее или дурное, безусловно невѣрно.

Уже болѣе столѣтія хранится эта цѣнная автобіографія, представляющая собою прекрасный историческій документъ; и однако, Теруанъ до сихъ поръ еще изображается многими какъ куртизанка, какъ зараженная вслѣдствіе развратнаго образа жизни дурною болѣзнію личность.

Въ виду того, что она владѣла большими деньгами, полагали, что она имѣла много любовниковъ, такъ какъ о богатствѣ, подаренномъ ей ея женихомъ, не знали, и отсюда то возникли всѣ эти излюбленные сплетни. Равнымъ образомъ, нѣтъ ни одного слова правды и въ рассказахъ о ея гнусной болѣзни. Знаменитый психіатръ Эскироль, долгое время наблюдавшій ея душевную болѣзнь, во время нахождения ея въ Сальпетриерѣ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что тѣломъ она была очень здорова, и выражаетъ даже удивленіе, какъ могла она сохранять свою жизнеспособность, въ виду ея пребыванія въ сырой, мрачной, маленькой камерѣ безъ всякаго признака благоустройства, какъ не распалось ея здоровье и отъ другихъ не менѣ вредныхъ вліяній. Даже зимой ходила она босикомъ по холодному каменному полу своей камеры, почти безъ всякой верхней одежды. На полъ она проливала воду, которая отъ холода замерзала. Никогда нельзя было ее уговорить, даже въ сильные морозы, что-нибудь надѣть на себя или на ночь укрываться потеплѣе. Если во время морозовъ ей недоставало воды, то она разбивала въ своей камерѣ ледъ и находившеюся подъ нимъ водою мыла себѣ ноги и все тѣло. Она ѣла все, что ей попадало: солону, хлѣбныя крошки и корки, пила даже помои и, несмотря на это, почти двадцать пять лѣтъ провела такимъ образомъ въ домѣ умалишенныхъ. Какъ могло бы выдержать такой образъ жизни цѣлую четверть

вѣка разстроенное болѣзною тѣло? Чтобы столь долго жить при такихъ пагубныхъ условіяхъ, она должна была имѣть желѣзное физическое здорье, и она, дѣйствительно, обладала таковымъ.

Теруанъ де-Мерикуръ писала свою автобіографію за тюремными стѣнами въ Куфштейнѣ съ единственною цѣлью упростить словесный допросъ; она при этомъ вовсе не думала ни о потомствѣ, ни о своей посмертной славѣ, ни о злословіи. Какъ могла она хотя бы одну минуту подумать, что эти убогіе, карандашемъ написанные, листки будутъ такъ бережно сохраняться. Это, конечно, не приходило ей въ голову. Ей нужно было тогда заботиться только о томъ, чтобы добиться своего освобожденія и установить доказательство, что она ничего не замышляла противъ жизни Маріи Антуанетты, въ чемъ она такъ измѣнически обвинялась передъ верховнымъ судомъ.

Поэтому-то и должно всего болѣе вѣрить тому, что она сама про себя писала, а не тѣмъ описаніямъ ея пережитковъ, которые изобрѣтены ея современниками и ея многочисленными врагами *).

---

*) Къ подлинному изданію Эммы Адлеръ дано приложение этой замѣчательной автобіографіи Теруани де Мерикуръ, которая читается не безъ содраганія и удивленія. Какая сильная любовь къ человѣчеству и какое тонкое чувство красноты проходятъ черезъ нее, и какимъ своеобразнымъ и изящнымъ языкомъ изображала Теруанъ все пережитое ею, хотя она, проведшая свои юношескіе годы въ черной работѣ и нуждѣ, и не обладала такимъ образованіемъ, какое получили ея болѣе счастливыя сверстницы. Но, надо читать эту автобіографію въ подлинникѣ, чтобы проникнуться ея красотами. Мы не приводимъ ея потому, что это было бы отчасти повтореніемъ, хотя и въ сокращенномъ видѣ, того, что дано уже авторомъ на страницахъ этой книги. Кромѣ того, эта автобіографія не могла заключать въ себѣ описанія дальнѣйшихъ аэлюкюченій Теруани, и свѣдѣнія о нихъ для помѣщенной ниже біографіи почерпнуты, конечно, изъ другихъ источниковъ.

* * *

„Кто употребляет мѣры устрашенія, тотъ осужденъ или употреблять ихъ постоянно, или погибнуть, коль скоро онъ отъ нихъ откажется. На жестокостяхъ нельзя основывать общественную свободу, и вотъ почему: если вы предадитесь жестокостямъ, то должны будете продолжать ихъ всегда и держать для этого въ своихъ рукахъ неограниченную власть. Жестокостью вы возбудите противъ себя и своей системы непримиримую ненависть, чувство мести, скрытую, затаенную злобу, и все это будетъ только ждать случая, чтобы разразиться. Если вы, постоянно употребляя топоръ или изгнаніе, хоть на одинъ день останетесь безоружными, накопившіяся злоба и чувство мщенія опрокинутся на васъ же и уничтожатъ васъ, смѣнивъ вашу тираннію своею. Такимъ образомъ, вы принуждены постоянно быть во всеоружіи открытаго или замаскированнаго деспотизма и не можете отступить отъ него иначе, какъ предоставивъ вашимъ врагамъ возможность захватить его въ свои руки. Съ своей стороны, враги ваши не могутъ обойтись безъ него изъ боязни, чтобы онъ снова не перешелъ къ вамъ, если вы остались живы, или къ вашимъ единомышленникамъ, если таковые имѣются у васъ“.

Такъ характеризуетъ состояніе борьбы изъ-за свободы Эдгаръ Кинэ въ своей книгѣ „Революція“.

Да, это, дѣйствительно, заколдованный кругъ, выйти изъ котораго можно будетъ только тогда, когда всѣ люди признаютъ, что они равны между собою, что человѣческія права для всѣхъ одинаковы и что каждый изъ насъ имѣетъ право совершать свой кратковременный путь жизни такъ, какъ ему удобнѣе.

Одно изъ величайшихъ затрудненій, съ которыми сопряжено достиженіе свободы, заключается именно въ томъ, что сильные, прикрываясь закономъ, тѣснятъ слабыхъ, властные самоуправствуютъ надъ подчиненными. Такъ, правители, захвативъ власть въ свои руки, угнетаютъ народъ; мушны, сильный полъ, тоже самое проявляютъ надъ женщинами, пользуясь ихъ слабостью.

Вотъ почему одной изъ главныхъ заботъ людей, думающихъ о благѣ народномъ, должна быть забота о лучшихъ порядкахъ, о болѣе совершенныхъ законахъ, чтобы въ нихъ было больше правды. Но, это великая мечта, которую проповѣдуютъ лишь очень немногіе, великодушные и мужественные люди.

Французская революція, несмотря на сопровождавшій ее ужасъ, тѣмъ и замѣчательна, что она подала всему міру великій примѣръ выступленія, въ числѣ такихъ проповѣдниковъ, и мужественныхъ женщинъ, что, въ свою очередь, ясно доказываетъ ихъ полную способность работать наравнѣ съ мужчинами въ устроеніи блага общественной жизни, въ указаніи путей къ правдѣ. Какъ бы ни былъ великъ по своимъ добродѣтелямъ мужчина, природа, надѣливъ его превосходящей физической силой, все же ограничила во многомъ изъ того, чѣмъ наградила женщину. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы супруговъ Роланъ.

Свобода застала Ролана совершенно готовымъ, словно приспособленнымъ для нея. Онъ былъ человѣкъ строгихъ правилъ и испытанныхъ убѣжденій, восторженно любилъ свободу и былъ способенъ безкорыстно посвящать ей всю свою жизнь, или погибнуть за нее, безъ тщеславія и сожалѣнія. Этотъ человѣкъ хотя и заслуживаетъ того, чтобы родиться въ республикѣ, но во время революціи онъ былъ не на своемъ мѣстѣ и мало способенъ былъ выдерживать смуту и борьбу партій; дарованія его были не особенно блестящи, характеръ

нѣсколько упрямя; онъ не былъ способенъ ни узнавать людей, ни управлять ими. При всѣхъ своихъ трудолюбіи, дѣятельности и образованіи, онъ прошелъ бы едва замѣченнымъ безъ своей жены. *Всѣмъ тѣмъ, чего не доставало ему, надѣлена была мадамъ Роланъ: силой, ловкостью, возвышенностью характера, предусмотрительностью.* Мадамъ Роланъ была душою жиронды; вокругъ нея собирались всѣ блестящіе и смѣлые люди этой партіи для совѣщанія о нуждахъ и опасностяхъ родины; она подстрекала на дѣятельность тѣхъ, которые способны были дѣйствовать, и посылала на трибуну тѣхъ, которыхъ знала за людей краснорѣчивыхъ.

А какъ краснорѣчива была Олимпія де-Гужъ, въ своей брошюрѣ „Права женщины“ (см. стр. 242—243), какъ гениально просто, естественно и сердечно обращалась она къ разсудку мужчины и съ какою убѣдительною находчивостью сравнивала она оба пола; но какъ тяжеловѣсно было слово Амара въ Конвентѣ по поводу образованнаго Розою Лакомбъ „женскаго союза республиканокъ“ (см. стр. 256), какими неудачными сопоставленіями мужской и женской природы приходитъ онъ къ заключенію о невозможности предоставить женщинамъ одинаковыя съ мужчинами права! То и другое слова были обращены къ мужчинамъ; и если они до сихъ поръ еще остаются глухи къ требованіямъ женщинъ признанія за ними равныхъ правъ въ дѣлахъ общественной жизни, изъ одного только эгоизма, мы не можемъ себѣ, тѣмъ не менѣе, представить, чтобы, въ глубинѣ души своей, они не прочувствовали и не признали убѣдительности обращенія Олимпіи де-Гужъ, и убожества доводовъ Амара.

Французская революція дала сильный толчокъ женскому освободительному движенію, и теперь мы видимъ уже многочисленныя плоды его побѣдъ. Но, многіе годы нужны еще, конечно, для того, чтобы всѣ пришли къ убѣжденію необходимости достойной оцѣнки трудовъ

какъ Олимпіи де-Гужъ, такъ и послѣдовавшихъ за нею другихъ проповѣдницъ женскаго права; и эти годы, несомнѣнно, приблизятся къ такому моменту, если вы, женщины, сами, будучи хорошими матерями, начнете неуклонно внушать вашимъ дѣтямъ ихъ гражданскія обязанности, уважать себѣ подобныхъ, безразлично ихъ пола, и тѣмъ самымъ постараетесь развить въ нихъ сознательное отвращеніе къ страстямъ, клокочущимъ въ заколдованномъ кругѣ, такъ правдиво и мѣтко охарактеризованномъ Эдгаромъ Кинэ.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что французская революція выдвинула еще нѣсколько женщинъ, оставившихъ по себѣ нѣкоторый слѣдъ, хотя въ настоящей книгѣ, не говоря уже о посвященіи имъ болѣе или менѣе пространныхъ біографій, вовсе ничего не упомянуто даже и въ предисловіи автора. Таковы, на примѣръ, Цецилія Рено, мадамъ Сталь, Рекамье, Дюбарри и т. п. Это происходитъ потому, что ихъ дѣятельность имѣла или отрицательное значеніе для освободительнаго движенія вообще, или оказала только второстепенное вліяніе на ходъ дальнѣйшихъ событій. Описаніе жизни такихъ женщинъ представляетъ собою скорѣе интересъ для общаго изученія психологическихъ явленій въ извѣстныхъ всемірныхъ переворотахъ, нежели даетъ имъ право занять мѣсто на поляхъ величественныхъ картинъ минувшаго.

Каз. Богдзевичъ.